

Письмо

По имэйлу — письмо.
Имярек не откроет письма.
Приблудилось само
и в бессонницу сводит с ума.

Бесконечный пролет,
сколько попусту мышь ни мурыжь.
Лед созвездий пролегал
между ближними скатами крыш.

Не оттуда ли весть?
Не туда ли незримая нить?
Если муторно здесь —
значит, следует клик повторить.

Да откликнется тьма!
А куда ей деваться к утру,
как не выдать письма
про нелепицу и мишуру.

Про ничтожность удач
и про их роковой календарь
(не погребуй, первач,
да еще раз по мышке ударь).

И проступит сквозь дым
в непроглядных прогалах зари
кратким пламенем злым
«Повтори, сумасброд, повтори».

И опять растворит
на рябом мониторе окна
весь небесный карбид
непомерная глазу страна.

ситро на запивку картошка рагу
окурки дымят в новогоднем снегу
отец гоношится с гитарой

замнач секретаршу снегуркой одел
за всю уминает отцовский отдел
пустой заставляется тарой

у нас беззатейно и тесно в гостях
зачем-то над окнами вывешен стяг
тусуются белые мухи

идут анекдоты ну полный улет
с надрывом взавправдашним дядя поет
про чьи-то сердечные муки

и телек рекорд и крутилка аккорд
и первый полет и рекордный окот
мурыжатся в тамошней ступе

детсадовый праздник и баба-яга
а после до дому и вся недолга
пою с итээрами вкупе

ночной нескончаемый вкрадчивый снег
мучительно потно и дымно во сне
о лакомых планах на лето

какая в июле ужалит оса
по свежей тоске отпускного отца
и море заплещется где-то

магнолии влажным огнем расцветут
пломбир разойдется по небу и тут
пора на прогулочный катер

и станет смелей уменьшаться земля
и все на земле мне ля-ля тополя
пока эта лодочка катит

если глянуть искоса и кратко
обернувшись не из-за чего
растворится горькая облатка
в кровь перемещая вещество

и тогда припомнит вполнакала
нехотя ожившая душа

через город речка протекала
подо льдом от холода дрожа

самогон варили на продажу
и пекли на маслену блины
и у недоростков патронтажу
при обмене не было цены

опершись на ржавые перила
по обыкновенью под хмельком
старость говорливая курила
наслаждаясь в лунке поплавком

и воздвигнув уличную елку
в гости из гостей переходя
участковый прыскал втихомолку
возле изваяния вождя

сопляки косили под колядки
вдруг да разживешься с полпинка
чтобы выйти гоголем на блядки
у дворов где виделась река

льдистая в промоинах немалых
черной крови времени полна
и в излуках как в инициалах
проступали наши имена

Набухший оттепелью Воронеж
с паром над водосточными решетками,
выхлопные газы февральского вчера
из распахнутой форточкой шефа ЛИТО,
грузного и хвастливого,
на восьмом десятке помнящего лысого Прасолова
со свежей странгуляционной бороздой,
дурашку Мелехина, летящего вниз головой
на асфальт ближнего Подмосковья,
Жигулина, в обнимку с палочкой Коха
после ЦДЛовского застолья.
Чавкающая грязь у ларька, где портвейн дешевле,
призрачные в водосточном пару
менты с потными собаками Баскервилей,
задохнувшийся от влажных выхлопов Ленин
с кепкой, зажатой в горсти,
словно жалкая детская медь,
из последних сил тычущий в сырой вокзал,
где в двадцать один десять московский скорый
перережет дымящиеся, как мокрые пепелища,
канализационные ручьи

и поплывет мимо теплостанции первых пятилеток,
темного тепловозоремонтного завода,
булькающих АГВ шпанских пригородных поселков
за тяжким предвесенним маревом,
безвозвратно густеющим
по голым садам недавнего прошлого.

Он приговаривает: «Ерунда».
И расцветает над ним звезда,
зыбкая как вода.

«Все, — сообщает он, — ничего.
За исключением одного —
страшно всего.

Зыбкой звезды в кочевой ночи.
Двери, где стопорятся ключи.
Сна, что ищи-свищи.

Право, причина не знаю где —
будто ключи глубоко в воде —
отблески их везде».

Звездная пыль в никуда спешит,
словно течение судьбу решит.
Временем свет прошит.

Выйдешь во двор — и над крышей рябь.
Черным — под крышей его окно.
Перекури, воротник ослабь —
если решения не дано.

Побестолковься в пустых дворах,
чтоб рассмешил ширпотребный страх
вдрызг на семи ветрах.

И укротила вода свой бег
там, где гнездится подзвездный смех.
И не грозит ночлег.

На ерунду не держи души —
что ее без толку кантовать.
Вещи безвременья хороши:
лавка сподручнее, чем кровать.

Крашенная барышня в авто.
Бешеная радуга в очах.

Скорость — все. Сознание — ничто.
Есть педаль, баранка и рычаг.

Есть невроз, мигрень и аднексит.
И мороз по коже от удач.
И опасность в воздухе висит —
хоть гони неистово, хоть плачь.

От нее никак не убежать.
Хоть куда рычаг переключи —
пламенеет жуть и благодать —
не сгорает радуга в ночи.

Хоть куда баранку поверни —
впереди одна и та же ночь.
Но сигналият встречные огни:
понапрасну тачку не курочь.

Понапрасну душу не трави —
дорожает к осени бензин —
при бесценной к скорости любви
не оценишь новых лет и зим.

В нынешнюю канешь колею,
в темноте растаешь без труда...
Но «люблю, люблю, люблю, люблю»
шепчет вертихвостка в никуда.

Поступь дворника дюжего
тяжела по ледку.
Снега вольное кружево
оттеняет строку.

Оттесненные в крошево
отвердевшей воды,
жухнут дня непогожего
штормовые следы.

Изоконный, обыденный,
до последнего наш,
краем глаза увиденный,
присмиривший пейзаж.

Где разряды истрачены
среди эпических туч
и от нищенской всячины
сумрак светел и жгуч.

И в распаде на частности
жизнь мгновеньем красна —

даром в присной неясности
подступает весна.

Все по новой закрутится,
развернется сполна —
ожиданье, распутица,
грязь на все времена.

Бесконечное марево
вольнодумцу родней,
чем слеза государева
при скончании дней.

И решетка увечная
на воротах двора —
точно доблесть заплечная
из дурного вчера.

Где оформляется веселый формалин
в черты медички у вечернего окна,
мерцает уголь мертвеца, неутолим,
чтоб тень и здесь была длиной наделена.

Блефует лампа над коробкою конфет
и пухлым атласом с устройством рук и ног,
чтоб нежил головы токсический эффект
и оживлял давно почившего как мог.

Фосфоресцируют косые живота
у перепутий препарированных жил,
чтоб синим пламенем горела нищета
и бог на бедность оболыщенье одолжил.

По этой черной развороченной руке
блажному цинику грешно не погадать,
как он прошествует с подругой налегке
до той страны, где мнятся тишь и благодать.

Но даже фильм про анатомию любви
в слезоточивом пересказе не сумеет
ему представить ясноглазой визави,
поскольку между — обязательная смерть.

Лишь сквозь нее, лукавотелую, одну
и проступает ослепительный зачет —
ведь если тень имеет форму и длину,
то время праха только завтра потечет.

И загустеет формалиновая мгла,
и опустеет взгляд товарки у двери,
что без ошибки выбрать сладости могла —
поди о горьком только с ней заговори.

Л. Ш.

С ходу известия ранили.
Но проходило само.
Кажется, где-то в Израиле,
как сообщало письмо.

И безо всякой истерики
предполагалось вдогон,
что и в Латинской Америке
мог успокоиться он.

Да и Европа не выпала
из бесполезной игры —
крови как следует выпила,
вымела в тартарары.

То возносясь, то пикируя —
нравом то камень, то шелк —
всласть помотался по миру и
по миру после пошел.

Нищий, на голову раненный,
нес по фейсбуку пургу
с филадельфийской окраины
в тающем робком снегу.

В беспроводном измерении
на виртуальных путях —
о суете и старении,
существованье в натяг.

Волны полночного рвения
лезли на север и юг.
Веры в его сокровения
не было ни на понюх.

Только тире между датами
преображает слова...
И на разъятые атомы
рушится тень волшебства.

Если в трубку откликнется мама,
то проступят, тебя не спросясь,
огоньки стадиона «Динамо»,
раздевалок веселье и грязь.

Городского катка зазеркалье,
из динамиков — юный Кобзон.
И мельканье, мельканье, мельканье —
и нельзя, и стоять не сезон...

Зритель праздника в варежках мокрых,
притязания вышли в тираж...
Переплески кармина и охры —
удивительный выигрыш наш.

Что за манера кричать во сне,
тряпки выкидывать по весне,
по бездорожью шататься властью,
взять и до осени запропасть?
Вдруг объявиться, затеять пир,
пасть на кушетку без задних ног,
старые сны засмотреть до дыр.
И не отчаяться, видит бог.
Шарит луна по твоим лесам,
блики крадутся по волосам.
И занимается над тобой
пламень забвения, невесом.
Прежние люди идут гурьбой,
переполняют собою сон,
все норовят отворить сезам —
все по глазам прочитав как есть —
бомж, негодяй, утешитель вдов.
Только куда им такая честь.
Сочен рассвет и почти бордов.
Ты неумытая наяву.
Ставить ли пришлое во главу
снятого за гроши угла?
Я здесь работаю и живу.
Скоро рассеется эта мгла.

Л. С.

Сумочка в частую крапину.
Беличьей шубки разлет.

Слушала, помнится, Апиனு.
Знала все-все наперед.

Честные-честные с искрами
до помрачения жгли...
Как обожается исстари,
что растворилось вдали!

Фортели за полночь, в черную
кровь загонявшие муть.
Дерганья крашеной челкою, —
«Перечеркни и забудь».

Давешней песенки каверза,
полузабвения мга.
Нерастворимого абриса
выкройка вся недолга —

росчерки смеха и вызова
в крапчатом брезжат снегу,
дамского шлягера сызнава
опровергая пургу.

На домашний наткнуться, случайно припомнить год,
шалой кровью вынесенный в расход.
И набрать второпях, да видно сменился код.

Или номер сменился, а может быть — божий мир.
Диск скрути, мобильник протри до дыр —
разве это преобразит эфир,

всю его прогорклость и немоту —
просыпаясь в обморочном поту,
эту цифру обдумываешь и ту.

Станный ряд, бесполезный набор, дурдом.
Жизнь в разбег, оставленная на потом, —
не наешься воздуха сохлым ртом.

Что наждак какой шерудит в груди!
Сколь цифирь как отче наш ни тверди —
тьма едва ль расступится позади.

Но когда вдруг воскликнешь: «Алло, алло!»
временам и таким, и сяким назло, —
догадаешься, что тебя в них спасло.

во сне сознание колеблется
в оконце зыблется весна
ужели ты монада лейбница
чья степень яви неясна

о эти перлы метафизики
в преддверье первого луча
что детства праздники и финики
что неба прошлого парча

но аналогий траектории
родней страдальцу от ума
в неукоснительной теории
а здесь безумная зима

а здесь иголками дырявится
ночного опыта кора
и близорукая упрямица
без спросу курит на ура

сквозного дыма энтелехия
течет по млечному пути
и вместо логоса элегия
и слов слезам не обойти

и свет застыл и время замерло
и вся навечно из вчера
по философии экзамена
в мозгу засела немчура

сосновый абрис умирающий
твоих конспектов дело швах
но не пора но не пора еще
что нам до опыта в словах

Помедлю и вспомню: здесь лыжная база была.
Знакомая фраза — снега не сгорают дотла.

Законное право сморгнуть дармовую слезу.
Снег слева и справа, и там под уклоном вниз.

Привычное дело сырым утешаться снежком,
по старой лыжне не спеша пробираясь пешком.

Вот здесь сапожком ты стряхнула леденицу вниз.
Пешком, не на лыжах — не правда ли странный каприз?

И вся из капризов, в морозном пропала дыму.
И тот инвентарь я теперь напрокат не возьму.

А впрочем, и прежде не слишком-то брал напрокат.
Подошвами с горки нелепо скользил наугад.

И все повторял: «Что за глупости? Что за беда?»
И слышал в ответ: «Не люблю. И оно навсегда».

Лишь вскользь отразила витрина
намеренно резкий прищур —
Весь облик остался внутри, но
и этого мне чересчур.

Бестолошность рыбьего меха,
короткий простуженный смех —
лукавоголосое эхо
сквозь неумолкающий снег.

Он валит отвесно и щедро,
живою водой напоен...
И мертво смеркаются недра
пронизанных светом времен.

вели окрестные печали
через воскресный гастроном
стоять велели на причале
строкой в сценарии дрянном

все эти кадры птиц и ветра
сакраментальная нуда
непотопляемое ретро
осатанелая вода

в непрезентабельном пейзаже
как атрибуты мелодрам
сквозили счастья и пропажи
с грехом и смехом пополам

и на исходе половины
жизнь оставляла на потом
успения сороковины
развилки во поле пустом

и опоздания некстати
и ожидания всерьез
их пруд пруди в кинопрокате
для режиссера не вопрос

пустопорожняя надсада
испепеляющая страсть
от мора здешнего и глада
за океаном запропасть

тесны леса поля и реки
ясны тунгус калмык и финн
но на причале человеки
еще доигрывают фильм

глядят и видят сквозь друг друга
как отраженья шевеля
вся в елисейские округа
переселяется поля

Шум в Первомайском драного шапито
перекрывает ропот широких крон.
Пуля за пулей идет в молоко, в ничто,
шатким животным не нанося урон.

Пенятся листья как пиво окрест ларька,
лезут по форточкам ближних к нему квартир.
Жизнь студизуса, как ни крути, горька —
разве что цирк, шалманчик да старый тир.

Сад оголтелых, но колдовских причуд,
майских претензий выдюжить диамат —
там лишь хвостисту истому по плечу
определить, в чем соль и кто виноват.

Впрочем, ему и прочее нипочем —
все веселуха перцу, все до и по —
даром, что предки поедом — стань врачом.
Или завидней гайки крутить в депо?

Чопорный Гегель, яростный Фейербах
машут Асклепию из-за своих словес,
чтобы гороховый нежился на бобах
шут с чумовой воздушкой наперевес.

Чтобы кабан по проволоке скользил,
чтобы коверный пьяную тер слезу,
чтоб и впустую не убывало сил
вышнему шуму радоваться внизу.

уже и не вспомнить навскидку
в котором к примеру году
стряхнули никитку как нитку
тишком с рукава на ходу

когда передумали реки
на север по-старому течь
когда в пиджаках человеки
с трибуны корючили речь

когда была снова здорова
впотьмах транспарантов заря
и супились танки сурово
на дне выходных ноября

и сердце колесная белка
в бутылочном счастье снов
насилу держалась как целка
когда у ворот сердцелов

и позже когда отворили
и дальше когда понеслось
когда уже было не в силе
не пелось ему не спалось

парадные числа забылись
любимцы в парадных спились
прицелы у техники сбились
рога недотрог расплелись

обратное зренье что дышло
и то оно правда и то
и что же из этого вышло
коню по фасону пальто

судить своему перепало
копытиться фыркать нудить
хватило ему или мало
ему самому и судить